

КРИТИКА МЕДИАРЕЧИ

УДК 808

Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики

Н. С. Цветова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Цветова Н. С. (2020). Критика медиаречи как вектор развития медиалингвистики. *Медиалингвистика*, 7 (3), 280–292. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.301>

Статья посвящена одному из ключевых направлений в развитии современной медиалингвистики — критике медиаречи. Цель статьи — систематизировать уже сложившиеся представления об этом направлении медиалингвистики (понимание объекта, субъекта медиакритики, критериев оценки медиаречи и медиатекста). Первая попытка достижения данной цели была зафиксирована в словаре «Медиалингвистика в терминах и понятиях» (2018). Но речевая ситуация в современном российском медиапространстве неуклонно усложняется. Одним из наиболее очевидных проявлений такого усложнения является изменение представления о субъекте критики медиаречи. Сегодня критика медиаречи развивается в нескольких направлениях: как внутрикорпоративная (журналисты оценивают медиаречь в изданиях разного типа); «гражданская» (рядовые читатели, представители органов государственной власти пытаются регулировать речевое поведение медиадеятелей в соответствии со своим видением нормы); филологическая (лингвистическая). Доминирование лингвистов в данном сегменте научного дискурса может быть связано только с продуктивным диалогом с создателями и потребителями медиатекстов. Объективными основаниями для этого диалога является разработка системы лингвопраксиологического нормирования. Задача ученых — уловить продуктивные тенденции в развитии медиаречи, зафиксировать их и использовать при модернизации праксиологических норм, регулирующих функционирование языка в массмедиа. Для этого критика медиаречи должна состояться как научная дисциплина, что возможно только при актуализации того багажа лингвистических знаний, который уже был накоплен в системе субдисциплин, предвещающих ее появление: риторики и культуры речи, литературного редактирования и лингвистической экспертизы. Каждая из названных субдисциплин имеет свою зону оценивания речевого поведения, речевой деятельности в массмедиа. На основании достижений этих субдисциплин автор формулирует четыре основных критерия оценки медиаречи:

эффективность, правильность, эстетичность, этичность. Исследовательскую перспективу автор связывает с систематизацией выявленных тенденций и концептуальным осмыслением полученных результатов.

Ключевые слова: критика медиаречи, объект, субъект, принцип, норма, перспектива.

Постановка проблемы. Актуальность размышлений о медиалингвистике как особой отрасли филологии обусловлена целым рядом причин. О доминировании медиаречи в современном публичном коммуникативном пространстве говорить не будем, так как сказано и написано об этом много и вполне убедительно. Не менее значительно активное наращивание разнообразия связанных с новым научным направлением аналитических подходов, которое провоцирует естественные в этих условиях попытки систематизации уже накопленных знаний, упорядочения сложившихся представлений. Начальным результатом многочисленных научных дискуссий, посвященных медиалингвистике, можно считать статью Л. Р. Дускаевой, опубликованную в словаре-справочнике «Медиалингвистика в терминах и понятиях». Авторитетный автор утверждает, что «составными частями М. являются четыре вектора анализа медиаречи» [Дускаева 2018а: 61]. Первый вектор — грамматика медиаречи (в терминологии Т. В. Шмелевой — медиаязыкознание), второй вектор — медиастилистика, третий — медиадискурсология, замыкающий — критика медиаречи. В общих чертах определены цели и задачи каждого направления, за критикой закреплена установка на «выработку критериев эффективной речи, а также рекомендаций и предостережений» [Дускаева 2018а: 62]. Это свидетельствует об особом социальном статусе данного научного направления, о проблемах, связанных с его фиксацией. Ключевая из них проявилась в тексте агентства REGNUM, представившем неожиданно ставшего знаменитым профессором Г. Гусейнова как «профессора гуманитарных услуг НИУ ВШЭ» (профессор факультета гуманитарных услуг НИУ ВШЭ филолог Гасан Гусейнов)¹.

Именно на критику медиаречи в первую очередь оказывает влияние происходящее в последние десятилетия расширение «пределов и способов вмешательства человека в дела языка», отмеченное академиком В. Г. Костомаровым [Костомаров 2015]. Право оценивания состояния современной медиаречи сегодня получили или присвоили себе многие: «глотатели газет» — потребители невероятно разнообразной современной медийной продукции, представители профессионального сообщества, наконец, писатели, поэты и, естественно, ученые-филологи.

В массовом сознании лингвистика постепенно утрачивает «законотворческий» статус, превращается в покорную исполнительницу социальных заказов. Все чаще и чаще представители двух других «заинтересованных сторон» говорят о господстве в медиадискурсе прецедентной нормы или пытаются сами инициировать появление новых принципов и законов слово- и формоупотребления, словно подтверждая правоту Л. Ельмслева, отрицавшего необходимость нормы, и А. А. Шахматова, признававшего «употребление единственной основой правильного языка» (В. Г. Костомаров). Теперь уже далеко не все решатся поддержать К. И. Чуковского, цитировавшего Л. Якубинского, Г. Винокура, В. М. Жирмунского, напоминавших о роли «грамматиков-нормализаторов, сознательных усилиях теоретиков языка,

¹ <https://regnum.ru/news/society/2770878.html>.

выступавших с определенной языковой политикой и борющихся за ее осуществление» [Чуковский 2004: 171]. В новых условиях вряд ли кому-то покажутся оправданными упования выдающегося защитника русского языка на школьного учителя или на «литературную» прививку.

Надежды, как нам кажется, могут быть связаны с продуктивным диалогом филологов, создателей и потребителей медиатекстов. Объективными основаниями для такого диалога можно считать выявление критериев соответствия коммуникативных и речевых действий профессиональным целям и задачам медиатеателя, разработку системы праксиологического нормирования, общих принципов критики речевой деятельности в массмедиа. Но, повторяем, эта миссия критики медиаречи может быть исполнена только в том случае, если ученые смогут уловить продуктивные тенденции в развитии медиаречи, зафиксировать их и использовать при модернизации праксиологических норм, регулирующих использование языка в массмедиа. Для этого критика медиаречи должна состояться как научная дисциплина, что возможно только через актуализацию того багажа лингвистических знаний, который уже был накоплен субдисциплинами, предвещающими ее появление: риторикой и культурой речи, литературным редактированием и лингвистической экспертизой. Каждая из названных субдисциплин уже имеет свою зону оценивания речевого поведения, речевой деятельности в массмедиа — свой объект, предмет. Например, литературное редактирование сосредоточено прежде всего на языковой правильности. Эксперты-лингвисты занимаются рассмотрением вопросов, связанных с различными проявлениями девиантного речевого поведения и т. д.

Но именно при взаимодействии «семи нянек», как правило, возникают серьезные проблемы, в частности, представление об аналитических подходах, т. е. о «правилах игры», соответствующих обозначенной сверхзадаче, размывается беспощадно. Кафедра медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, как положено в научной среде, пытается представить теоретические основы новой научной дисциплины. Именно поэтому в структуре конференциальных медиалингвистических мероприятий постоянно присутствуют панельные дискуссии, посвященные культуре речи, риторике, литературному редактированию, лингвистической экспертизе.

Наша цель — обобщение результатов многочисленных дискуссий и многолетних наблюдений, в результате которого может быть сформировано непротиворечивое представление об объекте, предмете, критериях оценивания медиаречи и медиатекста, а также должны быть выявлены наиболее эффективные аналитические алгоритмы.

История вопроса. Объект критики медиаречи как одного из наиболее традиционных сегментов медиалингвистики, на наш взгляд, уже имеет описание, которое можно признать первичным, установочным. Так, по В. И. Конькову, медиаречь — «все разновидности русской речи, которые существуют в речевой практике СМИ, независимо от того, порождается ли эта речь самими СМИ или же используется ими, взятая в готовом виде из других сфер речевой практики общества» [Коньков 2016: 106]. В словаре-справочнике «Медиалингвистика» сделаны необходимые уточнения: критика медиаречи занимается журналистской, рекламной и PR-речью [Дускаева 2018b: 8–10].

Цель любой критики — «оценить достоинства, обнаружить и выправить недостатки» [Кузнецов 2006: 300]. К критическому высказыванию в научном дискурсе предъявляются требования более определенные: «Критика в научном познании — активное выражение отношения данной теории к другим, их оценка либо переосмысление самой данной теории с точки зрения ее собственных выводов. Критика и позитивное исследование взаимопроникают друг в друга» [Батищев 1964: 91]. Каждое из этих определений помогает приблизиться к пониманию сверхзадачи критики медиаречи, которая стара как мир и выросла из давней установки М. В. Ломоносова «не дать никогда прийти в упадок российскому слову» [Прозоров 2008: 219].

Оценочная деятельность медиалингвистики, как считает Л. Р. Дускаева, может быть выражена в градуальной шкале оценок: эффективно — приемлемо — неудачно — неприемлемо — запрещено.

Но далее — проблемные зоны. Во-первых, как мы уже отмечали выше, сегодня субъектом критики медиаречи может объявить себя любой создатель или даже потребитель медиаконтента. По аналогии с медиакритикой в огромном потоке оценочных высказываний, имеющих непосредственное отношение к речевой форме медиатекста, можно выделить несколько блоков. Во-первых, внутрикорпоративный: медиадееатели теперь сами пытаются оценивать медиаречь не только в профессиональных изданиях, но и в филологических, игнорируя уже существующие лингвистические алгоритмы. В качестве примера можно привести статью журналиста И. Н. Апухтина, опубликованную в журнале «Мир русского слова» под названием «Изменение медиатекста под влиянием процесса конвергенции СМИ». Речевой компонент проблематики, затрагиваемой автором статьи, представлен, например, в таком виде: «Скорость получения и обработки информации приводит к появлению многочисленных ошибок в медиатекстах... В авторской версии оказались неизбежными некоторые смысловые повторы, и автор в меньшей степени подвергал контролю стилистику своего повествования» [Апухтин 2015: 21, 19]. Далее автор публикации демонстрирует весьма приблизительное представление о «стилистике повествования».

Аналогичным примером можно считать попытку наладить управление жизнью языка из Мариинского дворца, в котором заседает Законодательное собрание Санкт-Петербурга. В 2017 г. депутат Максим Цивилев обратился в Институт русского языка РАН с просьбой включить в академические словари слово «шаверма», после того как тогдашний губернатор Г. Полтавченко использовал в интервью победивший московский вариант «шаурма». Важно отметить, что обращение депутата появилось после «негодования жителей Северной столицы», вызванного словами губернатора². И на канале «Санкт-Петербург» уважаемое экспертное сообщество вполне серьезно обсуждало «лексический» конфликт. В составе массовой аудитории нашли те, кто разделял негодование депутата.

Еще более курьезные случаи происходят, когда право на оценочное суждение по поводу той или иной лингвистической проблемы присваивают блогеры. Их высказывания, как правило, эмоциональны, часто агрессивны, при этом не обеспечены необходимыми знаниями и компетенциями. Приведем в качестве чрезвычайно

² Институт русского языка попросили включить в словарь «шаверму» после «шаурмы» Полтавченко. <https://www.fontanka.ru/2017/10/25/128/>.

показательного в этом отношении примера только один комментарий Ann к публикации под названием «Люди не умеют читать». Гасанов не понял, зачем извиняться за «клоачный русский язык»³. Сохраняем речевую форму высказывания блогера: *Прежде чем кидать камни в человека которому не нравится, что стало с языком — начни писать нормально сам раз уж решил что имеешь право судить других...* Суть высказывания понять можно, но его форма целиком и полностью дискредитирует непрофессионала как субъекта критики современной медиаречи.

Правда, в этом блоке встречаются и продуктивные явления, которые позволяют решать многие научно-теоретические проблемы. Например, более десятка лет назад журналистская рефлексия по поводу состава лексической группы «инвективная лексика» позволила предложить удовлетворяющее профессиональное сообщество на определенном этапе решение актуальной прикладной проблемы [Цветова 2007].

Для нейтрализации негативных последствий расширения представления о субъекте критики медиаречи необходимо сформировать основу для объединения разных оценочных подходов к медиаречи и медиатексту — создать понятийный аппарат, аналитические алгоритмы, не противоречащие достижениям лингвистики и медиалингвистики, здравому смыслу и «хорошему вкусу» (выражение В. Г. Костомарова), и активно презентовать их в ключевых коммуникативных сферах.

Теоретическое осмысление критики медиаречи, по сути, формирование ее «самосознания» — исходных положений, установок, основных критериев для оценки профессиональной речевой деятельности — началось еще во времена античной риторики, в эпоху доминирования «школы» Аристотеля, создавшей «античную теорию речевого воздействия» [Дюбуа и др. 1986: 9], было продолжено М. В. Ломоносовым, а далее, может быть, с наибольшим успехом Г. О. Винокуром, предпринявшим одну из первых попыток обучения «активно-целесообразному обращению с языковым канонам» (1925 г.), и сегодня завершилось оформлением национального речевого кода, по сути, презентующего национальную традицию общения. Это исторически сложившаяся и конвенционально обусловленная система лингвистических и паралингвистических знаков и правил, релевантных при трансляции и восприятии «ключевых идей» (А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелев) любой национальной языковой картины мира. Основные элементы этой системы — национальный риторический идеал, предопределяющий ключевые принципы и особенности коммуникации; система топосов, транслирующих ключевые психоментальные характеристики этноса (дом, семья, жизнь, смерть и т. п.); речевые средства, используемые для характеристики хронотопа; речевые средства, используемые для трансляции национальной аксиологии; речевые средства, выражающие национальную специфику образной системы; система прецедентных феноменов, презентующих национальную культуру в синхронии и диахронии; речевой этикет, связанный с мирозерцанием нации; паравербальные коммуникативные средства (в устной форме коммуникации — жест, мимика, телодвижения; в письменной — средства креолизации текста [Дускаева, Цветова 2013]). Общеизвестен и общепризнан факт прямой зависимости речевого кода, на который носители языка вынуждены в той

³ https://yandex.ru/news/story/Professor_VSHEH_Gusejnov_otkazalsya_izvinyatsya_za_kloachnyj_russkij_yazyk-b9ee4df8494d8fab90a564d9e04aa4d4?lr=2&lang=ru&stid=BMVoaWYJjOXP6GFARPg1&ersistent_id=79106346&rubric=personal_feed&from=story&comments=1.

или иной степени ориентироваться в процессе коммуникации, от влияния особенно активно в последние годы изменяющейся культурной среды до конкретных социально-исторических характеристик коммуникативной ситуации.

Еще один теоретический сегмент критики медиаречи — культура речи, предложившая критике ориентацию на систему речевых норм, призванная поддерживать различия между «свободой и вседозволенностью, языкотворчеством и безграмотностью, остроумным словом и стебом ради стеба» [Богданова 2012]. Основным критерием оценки медиатекста, унаследованным от культуры речи и, кажется, наиболее очевидным, является принцип правильности, хотя сегодня даже понимание языковой правильности, которой должны обучать еще до школы, как справедливо замечает В. Г. Костомаров, является далеко не общепринятым. Вероятно, единственное, о чем почти удалось достичь трехсторонней договоренности, — «орфографическая одежда письменности» (выражение В. Г. Костомарова), хотя и на эти договоренности постоянно покушаются, и не только представители интернет-сообщества.

Вторая зона влияния на критерии оценки современной медиаречи формируется прикладными научными дисциплинами — литературным редактированием и лингвистической экспертизой. Литературное редактирование, как известно, предлагает критику сосредоточиться на устранении логических ошибок, избыточной информации (повторов и «общих мест»), на совершенствовании композиции и стилистики медиатекста, наконец, актуализирует эстетические требования к медиаречи. Теоретическая база литературного редактирования создается преимущественно в процессе разработки типологии профессиональных речевых недочетов, ошибок и неудач, связанных со структурой медиатекста, прежде всего с заполнением сильных текстовых позиций, а также с осознанием принципов эстетизации медиаречи, речевой формы медиатекста. Автор одного из последних по времени издания учебников по литературному редактированию Е. Н. Басовская к структурным критериям отнесла содержательность, правильность, богатство речи; к функциональным — уместность и целесообразность, этичность, точность, ясность, доступность, чистоту, логичность, сочетание краткости и полноты, выразительность [Басовская 2018].

Лингвистическая экспертиза занимается «злоупотреблением медиа» (Т. Ван Дейк), языком ненависти, языком вражды, потому зона ее интересов иная — это прежде всего разработка типологии правовых проступков и речевых преступлений.

Понятно, что предложенная схема обладает неизбежной степенью абстрактности. Четкие границы между этими четырьмя источниками и направлениями критики медиаречи провести невозможно, да и нет необходимости. Это единая зона, в которой начинается формирование современной комплексной модели анализа медиатекста и которая строится «по трем семантическим осям»: «референциальной, модальной и коммуникативной» и усложняется реконструкцией «интенционально-семантической структуры текста» [Васильева 2018: 45–49].

Методика анализа. Мы предлагаем одну из возможных моделей аналитического прочтения совокупного газетного текста как результата целенаправленной профессиональной деятельности коллективного автора. Модель предполагает выявление миссии (сверхзадачи) анализируемого издания и обусловленного этой

миссией характера соответствия его речевой формы выделенным нами критериям. Все эти критерии уже представлены в научных направлениях, ставших базовыми для критики медиаречи. Ориентация на активно формирующийся в современной медиалингвистике лингвопраксиологический подход к медиаречи заставила нас учитывать прежде всего фактор медиальности. Под влиянием этого фактора в предложенную Е. Н. Басовской типологию мы ввели ключевой критерий успешности/неуспешности (Н. Г. Нестерова), целесообразности (Н. Болотнова) или эффективности медиаречи.

Специфика анализируемого речевого материала, продиктованная миссией издания, предопределила особое внимание к его соответствию критерию правильности, актуализирующему ортологические нормы. Эстетические и этические характеристики в данном случае выявлялись по уровню подчиненности национальному речевому коду.

Необходимо подчеркнуть, что при признании бесспорного доминирования критерия эффективности по отношению к медиаречи мы исходили из убежденности в необходимости системного применения выявленных критериев.

Анализ материала. Мы попытались проанализировать профессиональную деятельность коллективного автора двуязычной газеты армянской диаспоры в Санкт-Петербурге «Веруем». Газета издается Армянской апостольской церковью с февраля 1993 г., т. е. более четверти века, и уже на этом основании может быть признана одним из наиболее успешных в России медиапроектов, воплощающих невероятно сложную в современных условиях идею межкультурной коммуникации.

Речевая форма этого издания обусловлена его традиционалистской миссией (в иной терминологии — сверхзадачей), зафиксированной в трех аксиоконцептах, которые вынесены в подзаголовок совокупного газетного текста: *Отечество. Церковь. Достоинство.*

Высокая и сложная в современных социально-политических условиях миссия реализуется не только в смысловой структуре совокупного газетного текста, но и вследствие его абсолютного соответствия ключевому критерию культуры речи — критерию правильности. Для адресата газеты «Веруем» этот критерий, который сегодня программно деактуализируется многими СМИ, не просто существует, но принципиально важен. В одном из юбилейных поздравлений, опубликованных в праздничном номере газеты, специально отмечено, что авторы безусловно владеют *грамотной, чистой, лелеющей сердце армянской речью*. Такая похвала может быть адресована и русскоязычным журналистам, уровень речевой компетентности которых также очень высок, воспринимается адресатом как одно из ключевых проявлений установки на сохранение традиционной культуры.

Но профессионализм авторского и редакционного коллектива не ограничивается соответствием создаваемых и публикуемых текстов представлению о правильной речи. Эстетические и этические особенности публикуемых материалов, их речевая форма обусловлены непосредственной ориентацией коллективного автора на русский речевой код.

Эта ориентация со всей очевидностью проявляется в легко выявляемых цепочках ключевых слов, презентующих непременно пересекающиеся лексико-семантические поля, отражающие смысловую структуру совокупного газетного текста. Ядерные зоны трех основных лексико-семантических полей определяются

словами, номинирующими априорные категории (И. Кант), иррациональный опыт (Ф. Шеллинг), архетипы коллективного бессознательного (Г. Юнг), имеющими топическую лексико-семантическую структуру (повторяем, это *Отечество, Церковь, Достоинство*).

«Отечество» с точки зрения носителя современного русского языка — слово, обозначающее «страну, где родился человек и где он живет», синонимичное по отношению к многозначному «родина» [Кузнецов 2006: 472].

Устройство и объем пространства, соотносимое авторским коллективом с этой номинацией, намного сложнее и вполне соответствует сверхзадаче издания:

- во-первых, Петербург, существующий в значительной исторической протяженности, которая может быть представлена той эпохой, когда в городе появились «первые водоналивные машины» (2019. № 12. С. 12), был учрежден «первый родильный дом» (2020. № 2. С. 12), или эпохой Петра Первого — временем строительства «ванных заведений», с которых начиналось современное «Полюстрово» (2020. № 1. С. 12);
- во-вторых, *Армения* — топос, вмещающий историческую боль и гордость нации, ощутить которые дают возможность прежде всего архивные публикации, например публикация отрывка из забытого путевого очерка С. Городецкого «Карабах», актуализирующего идею самоопределения наций (2019. № 12. С. 2); публикации на историческую тему, вроде очерка П. Джангирова о работе археологов на историческом кладбище в Старой Джуге (2020. № 1. С. 11) или репортажа из Санкт-Петербургского университета, где состоялся музыкально-поэтический вечер, посвященный творчеству поэта-ашуга, известного под именем Саят-Новы;
- в-третьих, Россия, сегодняшний день которой создается при участии армян-россиян, что подчеркивал президент В. Путин в новогоднем и рождественском поздравительном послании архиепископу Езрасу (2020. № 1. С. 1); Россия, культуру которой представляют, например, пермские художники Армен и Ольга Гаспарян;
- в-четвертых, огромное географическое пространство, связанное с присутствием в этом мире Армянской апостольской церкви, которому принадлежат, например, армянские церкви и соборы, армянские школы, «органически вписывающиеся в градостроительные ландшафты» (2019. № 12. С. 11) Морнаса, Корнаса, Чорнаса, Ниццы, Марсея, Леона и многих иных городов и весей.

Не менее сложна и оригинальна семантика топоса «Церковь», который, на первый взгляд, должен быть принципиально однозначным, так как в издательском постуведомлении указано, что учредителем газеты является Армянская апостольская церковь Санкт-Петербурга, газета издается с благословения архиепископа Езраса (Нерсисяна).

В сильной текстовой позиции, на первой странице газеты, отводимой в последние годы исключительно под публикацию креолизованных информационных сообщений, четко обозначено пространство, на которое распространяется церковная деятельность. Это пространство не является национально ограниченным. Несколько номеров, например, посвящены событиям, происходившим в духовно-просветительском центре Александр-Невской лавры «Святодуховский», кинофе-

стивалю «Невский благовест», выставке картин Варужана Епремяна, презентации книг Левона Адяна и т. д. Особенно интересен очерк О. Рогозина о строительстве и строителях «собора на Долгоозерной улице», который «станет четвертым по величине в Санкт-Петербурге» (2020. № 2. С. 10), опубликованный впервые в «Санкт-Петербургских ведомостях». Архитектор храма Максим Атаянц созидал новый храм по своему разумению, уже принятому не только православными священниками, но и прихожанами, которых в недостроенном храме уже более тысячи.

Самой мощной объединительной семантикой обладает лексико-семантическое поле с ядерной зоной «Достоинство»: *достоинство человека, достоинство народа, нации, чистота чувств и помыслов людей, справедливость, доброта деяний, наконец, духовное возрождение.*

В зону притяжения этого слова попадают разные варианты апелляции к общим религиозным переживаниям в первую очередь русских и армян: названия богослужебных книг и сочинений святых отцов; развернутые толкования библейских сюжетов; сообщения о праздновании Рождества, Пасхи; вынесенные в заголовки исторических материалов имена исторических персон; названия исторических событий и географических объектов, представляющих общую армяно-российскую историю; имена известных в современном Петербурге ученых, художников, артистов, архитекторов — этнических армян; имена русских деятелей культуры и науки, политиков и воинов, которые присвоены улицам и школам в армянской столице.

Эффективным контактоустанавливающим средством становятся републикации и публикации документальных материалов культовых писателей, художников, артистов советской эпохи, посвященные единому культурному пространству: известный киноактер С. Саркисян и Андрей Тарковский (2013, № 10. С. 6), «Армянский круг Высоцкого» (2013, № 2, С. 11), Иосиф Кобзон и Арно Бабаджанян (2013, № 11. С. 6), Андрей Битов, автор популярной на исходе 1980-х книги «Уроки Армении» и его однокурсник по Литературному институту Грант Матевосян (2019. № 12. С. 8).

Подчиненность совокупного газетного текста критерию этичности проявляется с наибольшей очевидностью, когда приходится затрагивать потенциально конфликтные темы, прежде всего тему межнациональных отношений. Яркий в этом отношении пример — открытое письмо председателя совета Санкт-Петербургской региональной армянской национально-культурной автономии известному русскому писателю и публицисту Александру Проханову, главному редактору газеты «Завтра». Основной инструмент нейтрализации возможных последствий актуализации опасной темы в данном случае — сложнейшие этикетные формулы, выражающие при всей сложности и неоднозначности ситуации уважительное отношение к адресату, и риторические приемы, соответствующие русскому риторическому идеалу. Например, уловка «подкуп адресата» в сильной позиции начала текста: *Уже много лет я являюсь свидетелем Вашей интеллектуальной борьбы, титанического напряжения личности человека, живущего одной судьбой со своим народом. Исполненный уважения и сочувствия к тому, что Вы делаете, осуществляете, без преувеличения, считаю Вас одним из немногих самобытных русских мыслителей нашего времени...* (2013, № 3. С. 9).

Эстетические характеристики совокупного газетного текста, кажется, доминируют в визуальной форме издания (качество бумаги и печати, фото- и иллюстра-

тивные материалы). Хотя это только на первый взгляд. Главное — элокутивные характеристики вербализованных текстовых компонентов, которые соответствуют смысловой структуре наиболее значимых, ярких публикаций. Первый пример — размышления известного петербургского скульптора Ашота Казаряна о собственной художественной философии. Украшены эти размышления не только упоминаниями и цитатами из работ С. Кьеркегора, М. Л. Ростроповича, И. Бродского. Главное украшение — четкое определение отношения к творчеству, которое не предполагает повторения стереотипных позиций представителей масскульта. Это отношение в семантике концепта *труд*, суть которого осмысливается в жесткой оппозиции к получившему широкое распространение в пространстве современной культуры *популизму* и в полном соответствии с вековой традицией, позволяющей художнику через огромный *внутренний труд и усилия* преодолеть зависимость *от внешних факторов и «электричества», которое вокруг живет и источает разрушительную силу для художника* (2019. № 12. С. 6).

Следует обратить внимание и на статью Екатерины Суровой, посвященную творчеству Хачатура Белого. Блистательные, точные, наполненные глубокими смыслами журналистские метафоры могли бы украсить специальное исследование художественного критика. Например, резюмируя обзор творческого пути своего персонажа, журналистка пишет: *Хачатур движется по дорогам творчества как истинный путник, наслаждающийся неторопливой беседой с самой жизнью во всем разнообразии ее форм, оттенков, стратегий и звуков...* (2019. № 12. С. 7).

Выводы. Обобщая наши наблюдения, можно сделать вывод о том, что высокая эффективность профессиональной деятельности создателей заинтересовавшего нас издания обусловлена ее абсолютным соответствием выделенным нами критериям в их традиционной интерпретации, традиционном понимании. Но очевидно, что в иных сегментах медиадискурса эти критерии будут функционировать на иной нормативной базе, выявление специфики которой потребует не только применения разнообразных аналитических алгоритмов, но и учета ориентации профессионалов на выполнение других сверхзадач, их зависимости от типа аудитории, ее ожиданий.

Выделение критики медиаречи в системе медиалингвистики позволит целенаправленно, системно работать над созданием такой базы, которая позволит специалистам-филологам и профессионалам-журналистам объективно оценивать дискурсивную речевую практику во имя «поддержания чистоты и безупречности современного языка», во имя продолжения национальной языковой и культурной традиции (идея И. А. Бодуэна де Куртенэ).

Очевидно, что исследовательская перспектива в обозначенном сегменте научного дискурса связана с формированием системы лингвопраксиологических норм, следование которым позволит профессионалу речи создавать тексты, соответствующие перечисленным критериям. При этом не менее очевидно, что сегодня профессиональное нормирование речевой деятельности в массмедиа — феномен, обладающий высочайшим динамизмом, следствие которого — неизбежная вариативность применения выявленных критериев. Сложнейшая задача филологов — уловить продуктивные тенденции в развитии медиаречи, зафиксировать их и использовать при модернизации праксиологических норм, регулирующих использование языка в массмедиа.

Видимо, медиалингвистика в целом и критика медиаречи в частности как любое иное научное «орудие познания» в перспективе должны учесть полемичность лингвопраксиологической нормы, преодолеть негативизм, стремиться стать «объясняющей» и «социальной», рассматривающей научные проблемы на фоне социальных. И, безусловно, любой субъект критики медиаречи должен ориентироваться на нормы научной коммуникации: «добросовестность в критике, деловитость, недопустимость пустого критиканства» [Батищев 1964: 93]. Это позволит избежать конфликтных ситуаций, подобных уже упоминавшейся, спровоцированной в недавнее время ученым коллегой из Высшей школы экономики.

Литература

- Апухтин, И. Н. (2015). Изменение медиатекста под влиянием процесса конвергенции СМИ. *Мир русского слова*, 2, 19–21.
- Басовская, Е. Н. (2018). *Стилистика и литературное редактирование*. 2-е изд. Москва: Юрайт.
- Батищев, Г. (1964). Критика. В *Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 3* (с. 91–93). Москва: Советская энциклопедия.
- Богданова, Н. В. (2012). Планка требований к слову — падает или поднимается? (к вопросу о культуре русской речи). В А. Д. Шмелев (Ред.), *Вопросы культуры речи* (с. 9–17). Москва: Языки славянской культуры.
- Васильева, В. В. (2018). Критика медиаречи. В Л. Р. Дускаева (Ред.), *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* (с. 45–49). Москва: Флинта.
- Дускаева, Л. Р. (2018а). Медиалингвистика. В Л. Р. Дускаева (Ред.), *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* (с. 61–63). Москва: Флинта.
- Дускаева, Л. Р. (2018б). Предисловие. В Л. Р. Дускаева (Ред.), *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник* (с. 8–10). Москва: Флинта.
- Дускаева, Л. Р., Цветова, Н. С. (2013). Стилистический облик многонационального периодического издания. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Филология. Востоковедение. Серия 9*, 3, 252–259.
- Дюбуа, Ж., Эделин, Ф., Клинкаберг, Ж.-М. и др. (1986). *Общая риторика*. Пер. с фр. Е. Э. Разлоговой, Б. П. Нарумова. Москва: Прогресс.
- Коньков, В. И. (2016). Принципы описания актуальной медиаречи. *Мир русского слова*, 2, 106–114.
- Костомаров, В. Г. (2015). *Язык текущего момента. Понятие правильности*. Санкт-Петербург: Златоуст. Электронный ресурс <https://nice-books.ru/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/yazykoznanie/202341-vitalii-kostomarov-yazyk-tekushchego-momenta-ponyatie.html>.
- Кузнецов, С. А. (Ред.). (2006). *Современный толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Прозоров, В. В. (2008). История с литературой: Ломоносова — из школы?! В М. В. Ломоносов и современные стилистика и риторика. Сб. статей (с. 208–221). Москва: Флинта; Наука.
- Цветова, Н. С. (2007). *Лексическая стилистика*. Санкт-Петербург: ВШЖИМК.
- Чуковский, К. И. (2004). *Живой как жизнь. О русском языке*. Москва: КДУ.

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2020 г.;
рекомендована в печать 20 апреля 2020 г.

Контактная информация:

Цветова Наталья Сергеевна — д-р филол. наук, доц.; cvetova@mail.ru

Criticism of media language as a vector of development of media linguistics

N. S. Tsvetova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199004, Russian Federation

For citation: Tsvetova N. S. (2020). Criticism of media language as a vector of development of media linguistics. *Media Linguistics*, 7 (3), 280–292. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.301> (In Russian)

The article is devoted to one of the key directions in the development of modern media linguistics — criticism of the media language. The author's goal is to systematize already established ideas about this area of scientific knowledge (understanding of the object, subject of media criticism, and the criteria for evaluating media speech and media text). The speech situation in the modern Russian media space is steadily becoming more complex. One of the most obvious manifestations of this complication is a change in the perception of the subject of media criticism. Today, the criticism of the media language is developing in several directions: internal (journalists evaluate the media language in various types of publications); “civil” (ordinary readers and representatives of state authorities try to regulate the speech behavior of media people in accordance with their own vision); finally, as philological (linguistic). The dominance of linguists in this segment of scientific discourse can only be associated with a productive dialogue with the creators and consumers of media texts. The objective basis for this dialogue is the development of a system of linguistic and praxiological normalization. The task of scientists is to capture productive trends in the development of media speech, identify them, and use them in the modernization of praxiological norms regulating the use of language in the media. For this purpose, the criticism of media speech should be regarded as a scientific discipline, which is possible only when updating the baggage of linguistic knowledge that has already been accumulated in the system of subdisciplines that precede its appearance: rhetoric and speech culture, literary editing, and linguistic expertise. Each of these subdisciplines already has its own way of evaluating speech behavior and speech activity in the media. Based on the achievements of these subdisciplines, the author formulates four main criteria for evaluating the media speech: effectiveness, correctness, aesthetics, and ethics. The author connects the research perspective with the systematization of the revealed trends and the conceptual understanding of the results.

Keywords: criticism of media language, object, subject, principle, norm, perspective.

References

- Apukhtin, I. N. (2015). Media text changing under the media convergence influence. *Mir russkogo slova*, 2, 19–21. (In Russian)
- Basovskaia, E. N. (2018). *Stylistics and literary editing*. 2nd ed. Moscow: Iurait Publ. (In Russian)
- Batishchev, G. (1964). Criticism. In *Encyclopedia of philosophy: in 5 volumes. Vol. 3* (pp. 91–93). Moscow: Sovetskaiia entsiklopediia Publ. (In Russian)
- Bogdanova, N. V. (2012). Bar of requirements to the word — falls or rises? (On the question of Russian speech culture). In A. D. Shmelev (Ed.), *Question of speech culture* (pp. 9–17). Moscow: lazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)
- Chukovskii, K. I. (2004). *Alive as life. About Russian language*. Moscow: KDU Publ. (In Russian)
- Diubua, Zh., Edelin, F., Klinkenberg, Zh.-M. et al. (1986). *General rhetoric*. Transl. from French by E. E. Razlogova, B. P. Narumov. Moscow: Progress Publ. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (2018a). Media linguistics. In L. R. Duskaeva (Ed.), *Media linguistics in terms and concepts: reference dictionary* (pp. 61–63). Moscow: Flinta Publ. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (2018b). Foreword. In L. R. Duskaeva (Ed.), *Media linguistics in terms and concepts: reference dictionary* (pp. 8–10). Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

- Duskaeva, L. R., Tsvetova, N. S. (2013). Stylistic appearance of the multinational periodical. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Vostokovedenie. Series 9, 3*, 252–259. (In Russian)
- Kon'kov, V. I. (2016). Description principles of actual media speech. *Mir russkogo slova, 2*, 106–114. (In Russian)
- Kostomarov, V. G. (2015). *Current moment language. The concept of correctness*. St. Petersburg: Zlatooust Publ. Retrieved from <https://nice-books.ru/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/yazykoznanie/202341-vitalii-kostomarov-yazyk-tekushchego-momenta-ponyatie.html>. (In Russian)
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2006). *Modern explanatory dictionary of Russian language*. St. Petersburg: Norint Publ. (In Russian)
- Prozorov, V. V. (2008). History with literature: Lomonosov — out of school?! In *M. V. Lomonosov and modern stylistics and rhetoric*. Collection of papers (pp. 208–221). Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)
- Tsvetova, N. S. (2007, 2009). *Lexical stylistics*. St. Petersburg: VShZhiMK Publ. (In Russian)
- Vasil'eva, V. V. (2018). Kritika mediarechi. In L. R. Duskaeva (Ed.), *Media linguistics in terms and concepts: reference dictionary* (pp. 45–49). Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Received: February 29, 2020

Accepted: April 20, 2020

Author's information:

Natalia S. Tsvetova — Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; cvetova@mail.ru